

Лекция 24. СССР в конце 1960-х - начале 1980-х годов.

12.06.2020 г. – лекции.

1. Приход к власти Л.И. Брежнева. Идеологизация режима. Теория развитого социализма.
2. Экономика СССР. Роль сырьевых ресурсов. Зависимость от западных высоких технологий.
3. Зависимость сельского хозяйства от государственных инвестиций.
6. Ю.В. Андропов и попытка административного решения кризисных проблем.

Если десятилетие Хрущева прошло под знаком реформ, шумных политических, идеологических и хозяйственных кампаний, то двадцатилетие, от середины 60-х до середины 80-х гг., когда политическое руководство страны возглавлял в основном Л.И. Брежнев, называют временем застоя - временем упущенных возможностей. Начавшееся достаточно смелыми реформами в области экономики, оно закончилось нарастанием негативных тенденций во всех сферах общественной жизни, застоём в экономике, кризисом общественно-политической системы.

Справедливости ради следует отметить, что проводимая в этот период времени экономическая политика провозглашала цели, соответствовавшие духу времени. Она должна была обеспечить значительный рост материального благосостояния советского народа на основе интенсификации общественного производства, главным средством которой выступал научно-технический прогресс.

К началу 70-х гг. определились основные направления научно-технической революции. К ним относились:

создание новых типов автоматизированных технологических процессов производства (синтез механики и электроники) и автоматизированных систем управления на базе интеграции достижений электроники, приборостроения, электронно-счетного машиностроения, новых подотраслей станкостроения, связанных с созданием робототехники и гибких автоматизированных систем, лазерной техники и средств связи;

освоение на базе достижений аэрокосмической техники новых систем транспортирования, информации, управления, методов научных исследований;

разработка все более разнообразных по сочетанию их свойств материалов, специализированных по целевому назначению, новых конструкционных материалов, многокомпозиционных, керамических, сверхчистых и др.;

расширение и совершенствование энергетической базы производства на основе развития атомной энергетики, биоэнергетики, гео- и гелиоэнергетики;

создание на базе достижений генной инженерии биотехнологических производств, появление бионики.

На каждом из этих направлений новые отрасли внесли за 70—80-е гг. существенный вклад в развитие и совершенствование производства, главным образом передовых индустриальных стран. Началось осуществляться поступательное движение в таких важнейших сферах, как комплексная автоматизация производства и управления, электронизация и биотехнологизация хозяйственной деятельности, использование ядерной энергетики, исследование и освоение космического пространства и Мирового океана. Новые отрасли создали ориентиры экономики будущего, перехода мирового хозяйства в электронный, ядерный и космический век.

Все эти аспекты участия новых отраслей в научно-техническом развитии капиталистического общества наиболее ярко проявились в США, Японии и ФРГ. В нашей стране при разработке научно-технической политики были учтены не все тенденции НТР. Не улавливая особенностей нового ее этапа, руководство СССР долгое время считало необходимым сосредоточить внимание на развитии лишь главного направления научно-технического прогресса. Таковой с самого начала была выделена автоматизация производственных процессов. Признавалось, что именно она таит в себе возможность преобразования материального производства, управления и достижения многократного повышения производительности труда. Утверждалось также, что в комплексной

автоматизации в концентрированном виде находят свое материальное воплощение важнейшие достижения естественных и технических наук XX в.

Выделение одного направления НТП вместо целого комплекса, как этого требовала научно-техническая революция, явилось очередным просчетом. Справедливости ради следует отметить, что и в сфере автоматизации, несмотря на провозглашенную приоритетность, не было достигнуто ощутимых результатов. Во многом это было обусловлено отсутствием конкретных мер по структурной перестройке экономики.

Особенно остро стала ощущаться потребность в ускорении темпов научно-технического прогресса в 70—80-е гг. На партийных съездах принимались решения о необходимости смещения акцентов в экономической политике посредством перенесения центра тяжести с количественных показателей на качественные. Признавалось, что экстенсивные факторы роста народного хозяйства себя исчерпали и ведут к застою, что необходимо активнее развивать отрасли, определяющие научно-технический прогресс. При этом выдвигались грандиозные задачи: в течение 70-х гг., всего лишь за одно десятилетие, перевести экономику на качественно новую стадию расширенного воспроизводства, а в 80-е гг. — завершить перевод экономики на путь интенсификации; вывести все отрасли народного хозяйства на передовые рубежи науки и техники; добиться значительного увеличения производительности труда, позволяющей обеспечить 85—90% прироста национального дохода.

Вместе с тем, на фоне масштабных целей довольно традиционно выглядели средства их достижения. Надежды возлагались на претворение в жизнь сформулированной на XXIV съезде партии и подтвержденной в решениях последующих съездов задачи — «органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социализма». Причем имелось в виду упор сделать на факторы идеологического характера, а также централизованные методы руководства. Под преимуществами социализма подразумевалось не что иное, как планомерность развития экономики, централизация ресурсов, социалистическое соревнование и т. д. В использовании подобного тезиса проявились стремления руководства страны необоснованно преувеличить потенциальные возможности социалистического строя, избежать необходимости внедрения экономических стимулов, разрушающих сложившуюся чрезмерно централизованную систему управления.

Нельзя отрицать, что в стране велась определенная работа по осуществлению технической реконструкции. Если в 1971 г. в промышленности действовало 89 481 механизированная поточная линия, то в 1985 г. — 161601; автоматических линий соответственно 10917 и 34278. Число комплексно механизированных, автоматизированных и комплексно-автоматизированных участков, цехов, производств возросло за этот период с 44248 до 102140, а подобных предприятий — с 4984 до 7198.

И тем не менее резкого поворота в повышении эффективности производства не произошло. Решения XXIV—XXVI съездов партии оставались, по существу, только директивами. Провозглашенный ими курс на интенсификацию на протяжении 70-х гг. сколько-нибудь заметных результатов не дал. Хуже того, ни в девятой, ни в десятой пятилетках промышленность с планами не справилась (равно как строительство и сельское хозяйство). Десятая пятилетка вопреки декларациям, так и не стала пятилеткой эффективности и качества.

Не удалось исправить положение и в первой половине 80-х гг. Экономика по инерции продолжала развиваться в значительной мере на экстенсивной основе, ориентировалась на вовлечение в производство дополнительных трудовых и материальных ресурсов. Темпы внедрения средств механизации и автоматизации не отвечали требованиям времени. Ручным трудом к середине 80-х гг. было занято около 50 млн. человек: примерно треть рабочих в промышленности, более половины — в строительстве, три четверти — в сельском хозяйстве.

В промышленности продолжались ухудшаться возрастные характеристики производственного оборудования. Не приводило к повышению эффективности осуществление мероприятий по новой технике — фактические затраты возрастали, а прибыль сокращалась.

Как следствие, серьезно снизились темпы роста производительности труда и некоторые другие показатели эффективности. Если сравнить среднегодовой прирост важнейших

народнохозяйственных показателей, то можно заметить, что он уменьшался от пятилетки к пятилетке. Так, по национальному доходу, используемому на потребление и накопление, произошло снижение с 5,1% в девятой пятилетке до 3,1% в одиннадцатой пятилетке, по продукции промышленности соответственно с 7,4 до 3,7%, по производительности общественного труда — с 4,6 до 3,1%, по реальным доходам на душу населения — с 4,4 до 2,1%.

Тем не менее, острота надвигавшегося кризиса в 70-е гг. была сглажена неожиданно обрушившимся на страну богатством в виде нефтедолларов. Конфликт между арабскими государствами и Израилем, вспыхнувший в 1973 г., привел к резкому взлету цен на нефть. Экспорт советской нефти стал приносить огромный доход в валюте. На нее закупались товары широкого потребления, что создавало иллюзию относительного благополучия. Огромные средства были потрачены на закупку целых предприятий, комплексного оборудования, технологий. Однако низкая эффективность экономической деятельности не позволила разумно распорядиться неожиданно возникшими возможностями.

Экономическая ситуация в стране продолжала обостряться. Неэффективная экономика оказалась неспособной решить проблемы повышения уровня жизни трудящихся. Фактически была провалена задача, поставленная в 1971 г. на XXIV съезде КПСС, — значительно усилить социальную ориентацию экономики, увеличив темпы развития отраслей народного хозяйства, производящих предметы потребления. Остаточный принцип распределения ресурсов — вначале производство, а только потом человек — доминировал в социально-экономической политике.

На социальное развитие общества отрицательное влияние оказывала и нерешенность продовольственной проблемы, которая напрямую зависела от состояния сельского хозяйства. За 1965—1985 гг. в него было вложено 670,4 млрд. руб. Результат был неутешителен. В восьмой пятилетке прирост валовой продукции составил 21%, в девятой — 13, в десятой — 9, в одиннадцатой — 6%. Наконец, в 1981—1982 гг. темпы развития составили 2—3% и были самыми низкими за все годы Советской власти (исключая периоды гражданской и Великой Отечественной войны). Возникли и обострились многие диспропорции в народном хозяйстве. Страна, располагающая огромными ресурсами, натолкнулась на их нехватку. Образовался разрыв между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием.

Недооценка всей остроты и неотложности перевода экономики на интенсивные методы развития, активного использования в народном хозяйстве достижений научно-технического прогресса привели к накоплению негативных явлений в экономике страны. Призывов и разговоров на этот счет было немало, а дела практически стояли на месте. От съезда к съезду, от пятилетки к пятилетке выдвигались все новые и новые задачи в области НТП. Большинство из них так и осталось не достигнутыми.

Среди них — решение структурной перестройки экономики. На протяжении десятилетий советская экономика сохраняла свою макроструктуру, основные характеристики которой практически не изменялись. Это, во-первых, постоянное экстенсивное наращивание производства первичных ресурсов и в целом производства средств производства в ущерб развитию потребительских отраслей и нематериальных производств. Во-вторых, чрезмерно централизованный механизм распределения и перераспределения всех видов ресурсов (материальных, трудовых, финансовых) при максимальном сужении области действия товарно-денежных отношений. В-третьих, сверхприоритетное ресурсное обеспечение военно-промышленного комплекса и его доминирование над всеми остальными секторами народного хозяйства.

В итоге советская экономика выглядела довольно противоречиво. С одной стороны, она включала ряд высокотехнологичных, наукоемких направлений производственной деятельности, входящих главным образом в состав военно-промышленного комплекса, с другой стороны, обладала весьма значительной, характерной для стран третьего мира, традиционной сферой с низким уровнем эффективности, слабой конкурентоспособностью, ценовыми диспропорциями, в целом не отвечающими требованиям мирового рынка.

Безусловно, негативные последствия имело и то, что многие решения съездов партии носили половинчатый, не всегда последовательный характер. На XXIV, XXV, XXVI съездах

КПСС много говорилось о крайней необходимости технического перевооружения предприятий. Однако машиностроение не получило приоритетного значения, развивалось примерно на уровне всей промышленности. Поэтому материальная база технического прогресса не отвечала возросшим потребностям. Продолжалась старая практика: капиталовложения шли в основном на новое строительство, оборудование же действующих предприятий старело, существующие техника и технологии все более отставали от лучших мировых образцов.

Принимаемые на съездах партии решения в области научно-технического прогресса не связаны были с реальными шагами по расширению и развитию демократических институтов, т. е. механизма, с помощью которого только и можно было привести в движение человеческий фактор и тем самым способствовать выполнению решений.

Напротив, брежневское руководство стало на путь свертывания критики культа личности Сталина и его последствий; решительного пресечения демократического движения, зародившегося в обществе в годы хрущевских реформ. По сути дела эти установки в сфере внутренней политики ориентировали на укрепление методов администрирования в руководстве обществом, усиливали авторитарно-бюрократические тенденции в отношениях между руководителями и подчиненными. Отсутствовал трезвый, научный анализ сложившихся в экономике тенденций. Как правило, замалчивались или вскрывались без необходимой остроты и глубины причины отставания в деле повышения эффективности общественного производства.

Однако самая главная причина связана с сохранением экономического механизма хозяйствования и системы управления, сложившихся в годы довоенных и послевоенных пятилеток, т. е. в период экстенсивного развития народного хозяйства. В последующем действующий механизм хозяйствования и управления экономикой, оставаясь практически в неизменном состоянии, в лучшем случае подвергался лишь частичным, причем незначительным изменениям. Так, меры, предпринятые в ходе хозяйственной реформы второй половины 60-х гг., намеченные сентябрьским (1965 г.) Пленумом ЦК КПСС, не затронули в должной степени фундаментальных основ процесса повышения эффективности производства. Одно направление экономической реформы исключало другое. Наравне с предлагаемым внедрением экономических рычагов управления продолжался процесс усиления централизованного руководства. Механизм хозяйствования и управления экономикой превратился в механизм торможения нашего экономического и социального развития.

Нечто подобное испытали капиталистические страны в 70-х гг. В это время произошло ухудшение условий воспроизводства, вызванное глубоким кризисом структуры капиталистического хозяйства. Хозяйственный механизм перестал стимулировать экономическое развитие в новой ситуации. При этом ощущалась относительная нехватка рискованного капитала, который шел на развитие новых отраслей в производстве. Капитал направлялся в более спокойные и прибыльные области, что подрывало долгосрочные перспективы экономического роста и повышения эффективности хозяйства. Переломный период 70-х—начала 80-х гг. характеризовался общим понижением темпов экономического роста, слабой загрузкой производственных мощностей, снижением темпов роста показателей экономической эффективности (в первую очередь производительности труда и капиталотдачи). Так, если темпы прироста производительности труда в обрабатывающей промышленности США в 1955—1978 гг. составили 2,7%, то в 1978—1979 гг. — 1,45%. В Японии соответственно — 9,26 и 7,05%, в ФРГ — 6,05 и 4,08%, Франции — 5,87 и 5%, в Великобритании — 3,63 и 1,56%.

Капиталистический мир мгновенно отреагировал на происходящие новые явления воспроизводства. И 70—80-е гг. стали временем изменения хозяйственного механизма. Основной упор был сделан на структурную перестройку экономики, на обуздание инфляции и стимулирование капиталовложений. Одновременно были увеличены ассигнования на научные исследования, их централизованное планирование, создана разветвленная система новых государственных органов управления наукой, приняты законодательные акты по ускорению темпов НТП. Так, в США были приняты Закон о новых технологиях Стивенсона-Видлера, налоговый закон экономического оздоровления, Закон о совместном проведении

НИОКР и др. В Японии было создано Государственное управление по науке и технике с правами министерства. В ФРГ стало действовать Федеральное Министерство образования и науки, а также Межминистерский комитет по науке и исследованиям.

Изменение спроса и новые возможности НТП, практически равноэффективные для предприятий разных размеров, привели к необходимости преобразовать организационную структуру производства в направлении отказа от гигантомании, понижения границ оптимальных размеров предприятий и придания ей более гибкого характера.

Стали применяться более совершенные формы организации труда и производства. Возрастающие издержки воспроизводства рабочей силы компенсировались за счет ротации работ, расширения трудовых заданий, создания кружков новаторства и качества продукции, применения гибких режимов работы. Под влиянием НТП выросла доля высококвалифицированных рабочих. В сочетании с совершенствованием средств труда это способствовало развитию устойчивой тенденции повышения производительности труда.

Потребности НТР привели к усилению роли государства в экономике. В результате основные секторы и отрасли производственной сферы приспособились к новым экономическим условиям воспроизводства. Ведущие капиталистические страны стали быстро набирать темпы ускоренного экономического развития. В нашей же стране вместо взвешенного анализа сложившейся внутренней ситуации превалировало восхваление достигнутого и замалчивание недостатков.

Оценки внешней политики СССР, равно как и экономической, в 60-х—80-х гг. также носили апологетический характер, создавая впечатление полного благополучия, достигнутого в данной сфере.

Политическое руководство страны, возглавляемое Брежневым, при определении приоритетов внешней политики, как и прежде, исходило из представлений о том, что человечество переживает длительный исторический период перехода от капитализма к социализму. Капиталистические страны рассматривались как носители агрессивных тенденций, союзники сил реакции, препятствующих развитию прогрессивных преобразований, происходящих в мире.

И все же, несмотря на предпринимаемые попытки со стороны консервативных сил придать внешней политике большую ортодоксальность, курс на тотальную конфронтацию с капиталистическими странами, прежде всего с США, был отвергнут. Высшим приоритетом стало сохранение мира.

Однако путь к разрядке оказался сложным. Мир в середине 60-х гг. не раз нарушался региональными и внутренними конфликтами, в которые в той или иной мере оказывались вовлеченными СССР и США. Холодная война, несколько смягченная инициативами Хрущева, отнюдь не ушла в прошлое, порожденное ею мышление подталкивало к подозрительности, недоверию, к стремлению ответить ударом на удар. Не отличалась особой взвешенностью и политика США и их союзников. В 1965 г. США, оказывавшие военную помощь правительству Южного Вьетнама, распространили военные действия на ДРВ, подвергнув ее бомбардировкам. В 1967 г. разразился конфликт между Израилем и Египтом, Сирией и Иорданией. СССР в этом конфликте поддержал арабские страны, США — Израиль. В 1968 г. СССР ввел войска в Чехословакию во время возникшего политического кризиса, что вызвало негативную реакцию в мире.

И тем не менее между СССР и США существовала сфера общих интересов, связанная с предотвращением ядерной войны. В этом отношении огромную роль сыграла советско-американская московская встреча в 1972 г. на высшем уровне. Она открыла дорогу разрядке международной напряженности. Летом 1975 г. в Хельсинки руководители европейских государств, а также США и Канады подписали Заключительный акт — своеобразный свод принципов межгосударственных отношений, отвечающий требованиям политики мирного сосуществования.

Кроме того, был подписан ряд важных советско-американских соглашений по предотвращению ядерной войны, ограничению ядерного вооружения.

Все это создавало благоприятные возможности для оздоровления международной обстановки, для окончательного преодоления наследия «холодной войны». Однако этого не произошло. Во второй половине 70-х гг. процесс разрядки замедлился, а в начале 80-х мир

начал втягиваться в новую «холодную войну», резко усилилась конфронтация между Востоком и Западом.

Ответственность за срыв политики разрядки несут обе стороны: США и СССР. Логика «холодной войны» оказалась сильнее объективной потребности в новом типе международных отношений, утверждаемом разрядкой. В мире стремительно нарастала напряженность. В 1979 г. Советский Союз ввел свои войска в Афганистан, что резко усилило антисоветские настроения в мире.

В конце 70-х гг. начался новый виток гонки вооружений. В ответ на размещение в Европе американских ракет среднего радиуса действия СССР предпринял меры для предотвращения нарушения сложившегося военного паритета. Однако новый виток гонки вооружений наша страна выдержать уже не могла, так как военно-экономический и научно-технический потенциал Запада намного превышал потенциал стран ОВД. К середине 80-х гг. страны СЭВ производили 21,3% промышленной продукции мира, а развитые капиталистические страны — 56,4%. Гонка вооружений могла только разорить страну. Необходимо было искать новые пути для ослабления международной напряженности.

Период застоя был по-своему сложен и противоречив. Общество не стояло на месте. В нем происходили изменения, накапливались новые потребности. Но исторически сложившаяся общественно-политическая система стала тормозить его движение, порождала состояние стагнации.